

**Отзыв официального оппонента  
на диссертацию  
Охлопковой Виктории Александровны  
«Расходные книги Патриарших приказов второй половины XVII  
века как источник по истории благотворительности Патриаршего дома»,  
представленную на соискание ученой  
степени кандидата исторических наук по специальности  
5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического  
исследования**

Диссертация В.А. Охлопковой носит источниковедческий характер, и, соответственно, напрямую посвящена актуальной для историков проблеме – введения в оборот новых источников и описанию методики работы с ним. Выбранная диссертантом тема имеет также историографическую актуальность, поскольку мы имеем дело с повышенным интересом как раз к изучению приказного делопроизводства, в частности Патриарших приказов.

Структура работы традиционна для подобного рода исследований: состоит из введения, трех глав (одна из которой носит источниковедческий, а две – конкретно-исторический характер) и заключения.

Объект («расходные книги, представляющие собой одну из разновидностей делопроизводственной документации Патриарших приказов») и предмет («записи расходных книг, сообщающие о фактах благотворительности») исследования вполне логичны для источниковедческого исследования. Хронологические рамки обусловлены состоянием источниковой базы: «В Российском государственном архиве древних актов ... в наиболее полном объеме представлены книги за вторую половину XVII в.». Территориальные рамки: Москва, её окрестности и Патриаршая область не вызывает вопросов (с. 34).

К несомненным достоинствам работы следует отнести достаточно полный историографический обзор, структурированный по проблемам: изучения материалов архива Патриаршего двора (И.И. Шимко, Н.М. Рогожина, И.А. Устиновой и др.), изучения церковной благотворительности XVII в. (И.М. Снигирев, И.Е. Забелин и др.) и изучение благотворительности в целом (Н.В.

Козловой, Г.Н. Ульяновой и др.). Источниковедческий обзор закономерно краток, поскольку характеристике источника посвящена отдельная глава. В свою очередь в двух других главах описаны виды патриаршей материальной помощи нищим и «не нищенским категориям населения».

Диссертация В.А. Охлопковой представляет собой оригинальное самостоятельное исследование, выполненное на стыке источниковедения и архивоведения. Комплексное использование методов вспомогательных исторических дисциплин заставляет автора приглядываться к мельчайшим подробностям источника. В частности, автор уделяет внимания заголовкам дел, показывая преемственность информации одной расходной книги от другой (с. 50). Перед нами классический пример дипломатического изучения памятника.

В.А. Охлопова решает проблему репрезентативности материалов (расходных книг) для изучения вопросов «благотворительности» (термин взят в кавычки, т.к. считаю его для данной работы не очень удачным), исходя из внешней критики источника. Автор констатирует наличие практически полного комплекта расходных книг за все годы второй половины XVII в., за исключением четырех лет. При этом сама сохранность книг довольно высока (с. 58 - 59). Для сравнения: за первую половину сохранилось лишь 50% существовавшей некогда совокупности и состояние документов в целом нельзя назвать удовлетворительным. В.А. Охлопова обращает внимание, что в расходных книгах второй половины XVII в. много пустых листов: «составители уже заранее, в начале календарного года делили книги на главы, не зная наперед, сколько будет записей, предполагая объем текста лишь приблизительно с учетом соотношения записей по главам в предшествующие годы.» (с. 59). Соответственно, комплекс записей каждого года можно считать полным. Это уже говорит о том, что информация, заключенная в рассматриваемом источнике самими составителями, дошла до нас практически в полном виде.

Кроме того, для повышения уровня доверия информации расходных книг, диссертант реконструирует комплекс первичных материалов, легших в их основу: «расходные столпы», «памятные тетради» (с. 64) и, возможно,

«расписки» (с. 68). В этом плане важно наблюдение автора (со ссылкой на вывод Л.А. Тимошиной, сделанный на другом материале): «Цельные тексты челобитных вместе с выписками, расписками, допросными речами (все перечисленные термины встречаются в расходных книгах) вклеивались в “расходные столпы”, где записи, предположительно, как и в столбцовом делопроизводстве в целом, располагались чаще всего в хронологическом порядке с группировкой по породившим их “делам” (в данном случае имеется в виду не архивная единица хранения, а “комплекс документов, объединенный общностью содержания, местом и целями составления”» (с. 69).

Поскольку сами первичные материалы до нас не дошли (во всяком случае диссертант признается, что не располагает сведениями о них), то констатировать их существование позволяет сам текст расходных книг, где они упоминаются. В этом плане представляется вполне логичным и весьма перспективным использование формулярного анализа записей расходных книг. Какие-либо отклонения в фиксации информации как раз могут быть связаны с разными источниками, из которых она берется. Знание документоведения XVII в. позволяет автору объяснить эти отклонения как раз разными первичными материалами.

Впрочем, в этом плане немного странно выглядит критика метода формулярного анализа со стороны автора: «в записях нет дискрипцио (условий договора)». В отечественной историографии использование формулярного анализа действительно прекрасно показано С.М. Каштановым («Очерки русской дипломатики» М., 1970) на примере актов, где есть: начальный протокол (*invocatio, intitulatio, inscriptio* и т.д.), основная часть (*narratio, dispositio, sanctio* и т.д.) и конечный протокол (*datum, apprecatio, subscriptio* и т.д.). Однако это не означает, что в каждом случае следует искать те же части, что выявлены историками на основе актов. Кстати, собственно «дискрипцио» (условий договора) у С.М. Каштанова тоже нет.

Продолжая тему вспомогательных исторических дисциплин, нельзя не отметить значение палеографии. Сопоставление почерков показывает сам ход

делопроизводственного разбирательства. Кто выступает инициатором выдачи денег, кто исполнителем решения, кто фиксирует факт передачи (см., например, с. 54). В последнем случае, это казначей. Автор показывает, насколько различались функции казначея, дьяка (по сути дела, второго казначея) и подьячих (§ 1.4). Кроме того, В.А. Охлопкова делает вывод, что «иногда информация о расходах фиксировалась в расходных книгах в присутствии получателя денег» и приводит пример подписи латиницей (деньги выдавались польским шляхтичам (с. 72)). Так же следует обратить внимание на метод исторической хронологии, позволившей автору проследить динамику записей и сопоставить её с религиозными праздниками (§ 1.5). Важно указание на человеческий фактор, объясняющий ошибки источника: внесения сведений не в ту главу или перестановка глав (с. 50). При этом автор мало рефлексировал о возможностях палеографии, хотя работа в значительной степени строится на ней.

Есть попытка привлечь и данные нумизматики. Впрочем, как представляется, не очень убедительные. Вызывает вопросы и фраза: «Точность записей в расходных книгах можно проверить и с помощью данных нумизматики» (с. 85). Далее идет перевод «рубль дватцать восемь алтын четыре деньги» на количество «деньг» (372 деньги). Вряд ли перевод на другую денежную систему (и даже просто перевод из одной валюты в другую) можно назвать «методом нумизматики». Это с таким же успехом метод метрологии или история экономики.

Однако в данном случае важно отметить именно практическое обращение к вспомогательной исторической дисциплине (метрологии или нумизматике), пусть и не очень удачно сформулированное.

Что касается реконструкции помощи нищим и «не нищенским категориям населения», то она произведена достаточно подробно. Важно наблюдение В.А. Охлопковой, что при отсутствии патриарха не практиковалась раздача «поручной милостыни». Т.е. она была элементом имиджа именно патриарха. Важно определение категорий лиц, подлежащих помощи, выделение в отдельную категорию «полоняников, выкупленных из плена». Следует отметить,

что в последующее время эта категория как отдельная страта среди неимущих исчезает.

В.А. Охлопкова показывает, что информация расходных книг может различаться в период правления разных патриархов, также, как и набор практик, связанных с социальной поддержкой. В результате, как представляется, наблюдения диссертанта по материалам архива Патриаршего приказа второй половины XVII в. коррелируются с выводами И.А. Устиновой по исследованию аналогичных источников первой половины XVII в. Вписанная в контекст трудов И.А. Устиновой, диссертация В.А. Охлопковой способствует воссозданию полной (во всяком случае, достаточно полной) характеристики расходных книг Патриаршего дома почти за столетие.

Следует обратить внимание, что В.А. Охлопкова пытается внести ясность в использование тех или иных терминов, характеризующих как сам источник, так и фигурирующих в источнике. Автор вносит и свой вклад в разграничение понятий «тетрадь» и «столбец» (с. 64) или объяснение оборота «ис (из) приему (кого-то)» (с. 65), отмеченные другими исследователями. Кроме того, автор показывает, что слово «милостыня» в источниках фактически фигурирует в двух значениях: не только как подаяние (причем небольшое, достаточное только для удовлетворения минимальных потребностей), но и жалование (с. 129 – 136). Как известно, представители православных церквей приезжали в Москву именно за милостыней.

Если выработка методики анализа информации источника следует считать вкладом диссертанта в практику источниковедческого анализа, то определение значения терминов следует считать вкладом диссертанта в теорию источниковедения.

В то же время к работе может быть предъявлен ряд замечаний.

Есть отдельные не очень удачные тезисы. Например: «Случаи ведения расходных книг без оглавления не препятствуют исследованиям: как правило, главы начинались с названия» (с. 49). Но, как известно, иногда историки имеют дело и вовсе с неструктурированным источником. Поэтому наличие или

отсутствие какой-либо логии в тексте может затруднить, но не «препятствовать» исследованию. Сама автор отмечает, что одна из ошибок описей вообще не была обнаружена исследователями, поскольку они опирались не на опись, а на сам текст, к которому опись составлена (с. 83).

Не совсем ясно, почему автор отказывается от рассмотрения «особых расходных книг патриаршей домово́й казны», появившихся в конце XVII в. (с. 58).

Вызывает вопросы и апеллирование автора к дескриптивной статистике: «В среднем за каждый год нас интересовало от 12 до 150 записей в зависимости от наличия/отсутствия патриарха и актуальных статей расхода Патриаршего дома на момент составления книги. Если принять за медианное значение 81 запись и умножить это число на количество лет (46), получим 3726 записей.» (с. 89). Но зачем показывать совокупное число записей путем вычисления медианы и умножение на число тетрадей? Ведь можно просто указать число записей в выявленной совокупности.

При видимом достижении диссертанта в области уточнения источниковедческой терминологии, наиболее уязвимым для критики является терминология, используемая исследователем в конкретно-исторической области.

Так вынесение слова «благотворительность» в заглавие диссертации вряд ли верно отражает суть явления. В большинстве исследований под благотворительностью подразумевается бескорыстная помощь частных и общественных организаций. При этом целью этой помощи является, по возможности, излечение некой общественной язвы, порожденной социальной несправедливостью. Если речь идет об органах государственной власти, то это «государственная поддержка нуждающихся», «социальная политика», «общественное призрение». Напомню, что в XVII в. церковь не отделена от государства, структура её управления схожа с государственной, а по сложившейся традиции именно на церковь возложено «призрение». Тем более, как справедливо показывает автор (со ссылкой на И.М. Снигирева), в некоторых

случаях выдача денег «нищим и убогим» – это своего рода жалование «штатным» служителям «при главных Московских соборах» (с. 11). Ни в первом случае (когда церковь оказывает социальную помощь), ни во втором (когда церковь содержит штат нищих) мы не видим ничего «благотворительного». В первом случае речь идет об осуществлении определенной государственной политики. Во втором – поддержание (и даже консервация) определенной традиции: нищие при храмах должны были напоминать молящимся о социальной несправедливости и необходимости помощи неимущим как богоугодном деле.

Тем более, что сама автор (со ссылкой на работу архиеп. Филарета Гумилевского) пишет: «практика благотворительности Патриаршего дома во второй половине XVII в. обеспечивалась за счет продуманной налоговой политики» (с. 22). Где есть социальная поддержка за счет налоговых поступлений, это уже социальная политика.

В этой же связи вряд ли «выплаты участникам панихид по духовным и светским лицам» (с. 136 – 138) следует относить к благотворительности: это именно плата за вполне конкретную работу. Интересно, что, как показывают более поздние данные этнографии, плата («милостынька») участникам панихид могла носить символический характер.

Возникает так же вопрос: можно ли считать по-настоящему «нищими», «сырыми и убогими» тех, кто находится «в штате» церкви? В то же время автор дает свое понимание слова «нищий»: «“Нищие” – термин из источника. Как правило, он употреблялся регулярно при выдачах денег для нищенствующих получателей: даже применительно к богадельникам уточнялось, что они нищие. Мы можем дать нищим следующее определение: люди, имевшие – благодаря патриаршей (и иной) материальной поддержке – достаточно денег на пропитание, но недостаточно на жилье, крупные покупки и в целом на поддержание нормальной социальной жизни, при этом, как представляется, часто – в силу персональных жизненных обстоятельств – не могли их заработать» (с. 90). Но подобное понимание проистекает из самого источника. При этом автор не ставит вопрос: насколько источник адекватно поясняет данное понятие? Что означает

«нормальность» для XVII в.? Все ли «структурные нищие» (по терминологии Д. Кейзера) стремились к созданию «нормальных условий» и стремились к заработку, а не паразитированию на общественном доверии. Не был ли статус «соборного нищего» реальной работой?

По сути дела, приближается к понятию благотворительности помощь церкви в отношении заключенных («тюремным сидельцам и колодникам», с. 12), однако это общеправославная традиция и в чем отличие (кроме самой формы организации этой помощи) церковных властей, трудно сказать.

Сомнения также вызывает фраза, что грань между доходами и расходами условна (с. 12). Она не может быть условна по определению: либо прибыль, либо убыток. То, что «остатки расходов домово́й казны превращались в келейную» и оттуда могли раздаваться неимущим, ещё раз заставляет задуматься над правомочностью термина благотворительность, используемая в диссертации. Как представляется, раздача патриархом или в целом монашеством милостыни из келейных средств, т.е. когда они действуют как частные лица, вполне можно считать благотворительностью.

Однако, как показывает практика, четкая, выверенная терминология, ясно очерченные хронологические или географические рамки –любые формы «педантичности» – могут лишь улучшить впечатление от диссертации, но не определить её высокий уровень. В нашем случае проделана большая и интересная работа, способствующая прояснению как механизма делопроизводства патриарших приказов, так и реконструкции важных социальных черт.

Автореферат и статьи В.А. Охлопковой полностью соответствуют диссертационному исследованию. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в

Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Виктория Александровна Охлопкова заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Богданов Владимир Павлович

Контактные данные:

Тел.: +7 (495) 939-20-56, e-mail: culture@hist.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Адрес места работы: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Тел.: (495) 939-35-66; e-mail: faculty@hist.msu.ru

Подпись Богданова В.П. заверяю: